

по Дюркгейму, мы формируемся как индивидуальное (психическое состояние человека) и социальное (воспринятые в обществе религиозные верования, профессиональные качества, национальные обычаи и пр.) существо. В этом мыслитель видел цель воспитания. Каждое новое поколение есть своего рода *tabula rasa*, оно создается в обществе заново, впитывая в себя все лучшее и ценное, выработанное обществом.

Таким образом, по Дюркгейму, воспитание отвечает социальным потребностям общества, выражает коллективные идеи и чувства [4, с. 262-263].

Библиографический список

1. Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. Т. 2. – М.: Мысль, 1978. – 575с.
2. Гегель Г.В. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 525с.
3. Гегель Г.В. Энциклопедия философских наук. - М.: Мысль, 1977. - 471с.
4. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. – М.: Канон, 1995. – 352с.
5. Кант И. Трактаты и письма. – М.: Наука, 1980. – 709с.
6. Локк Дж. Сочинения в трех томах. Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – 669с.
7. Мамедов А.А. Религиозно-мифологические элементы талышского этнического сознания//Вестник Московского государственного университета культуры и искусств, 2011, №5. – С. 87-92.
8. Платон. Собрание сочинений. Т. 3. – М.: Мысль, 1994.

УДК 1(091)+7.011

КОНСТАНТИН ЛЕОНТЬЕВ ГЛАЗАМИ ВАСИЛИЯ РОЗАНОВА

Донских Ксения Юрьевна, доцент кафедры философии, ФГБОУ ВО РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева

Аннотация. В статье анализируются воспоминания и мнения В.В. Розанова относительно этических, эстетических и религиозных воззрений К.Н. Леонтьева. Вскрываются предпосылки зарождения их дружбы.

Ключевые слова: Константин Леонтьев, Василий Розанов, самобытность, Европа, Россия.

Василий Розанов был, пожалуй, одним из самых противоречивых поклонников К.Н. Леонтьева. Их дружба завязалась по переписке и продолжалась около года, до внезапной смерти Леонтьева.

Константин Леонтьев, не избалованный вниманием современников к своему творчеству, живо откликнулся на интерес Розанова. Он неоднократно звал последнего к себе в гости, но Розанов так и не собрался. Тем не менее, их встреча все-таки состоялась. Они оба нашли покой в Черниговском скиту Троице-Сергиевой Лавры.

Василий Розанов посвятил Леонтьеву несколько произведений. В них он размышляет о творческой судьбе мыслителя, которая не укладывается в обычные рамки. Леонтьева нельзя отнести ни к славянофилам, ни к западникам — его стиль самобытен и исключителен: «Западники отталкивают его с отвращением, славянофилы страшатся принять его в свои ряды — положение единственное, оригинальное, указывающее уже самую необычайностью своею на крупный, самобытный ум; на великую силу, место которой в литературе и истории нашей не определено» [1. С. 30]

Размышляя о природе философии Леонтьева, Розанов все же склоняется к тому, что тот был в некоем роде западником. Иначе как объяснить его симпатию к «старой» Европе. Сам Леонтьев неоднократно признавался в любви к рыцарству, институту папства, «тонкому разврату» царившему при европейских дворах. Розанов полагал, что чувства Леонтьева-западника к Европе изменились после Французской революции. Из страстного поклонника, он превратился в не менее, страстного, ее ненавистника. Но и к славянофилам он не приблизился. Если славянофилы просто отрицали Европу, то Леонтьев обрушился на нее пронзительным проклятием. Розанов видит это в учении Леонтьева о трех фазах всякого развития — первичной простоты, цветущего усложнения и вторичного упрощения, которое наступает пред смертью. Он полагает, что это есть корень всей леонтьевской философии, из-за которого мыслитель и ушел в монастырь. По мнению Розанова, Леонтьев не мог выносить жизни в «умирающем» мире, не мог выносить вида загнивающей духовности человека. Возможно, живи он немного раньше, размышляет Розанов, его жизнь была бы совершенно иная — беззаботная и радостная, без монастыря и страха смерти. Проблема непонятности Леонтьева в том, что он родился не в свое время. И хотя он человек XIX века, мысли его актуальны на многие века вперед, наравне с пессимизмом, гегельянством и дарвинизмом. Леонтьев «родился не для счастья» [1. 413]. Он поменял свою ангельскую природу на демонскую. Розанов говорит об этом как о вынужденной мере. По его мнению, настолько благородных и чистых душой людей как Леонтьев, надо еще поискать. Он не согласен и с «аморализмом» философа. Безнравственность Леонтьева находит свое проявление в любви к разгулу, страстям. Но, как пишет Розанов, этим грешили многие великие умы. Тем не менее, их не считают безнравственными. Леонтьеву просто не повезло родиться не в свой век. Но все же именно он первый понял суть происходящего в современном ему мире и обрадовался прогрессу. С медицинской точностью (Леонтьев был медик по образованию) он описывает весь путь цивилизации — от зарождения до гибели. Европа находится на третьей стадии, она уже бьется в агонии. В рассуждениях Леонтьева встречаются предостережения России, побережья от европейских заимствований [4]. Впрочем, Россию следует «подморозить», чтобы не гнила. Эта фраза стала спусковым механизмом для ненависти и неприятия Леонтьева со стороны славянофилов. Но Розанов восхищается этим медицинским описанием, восхищается самим Леонтьевым, который сумел разглядеть и описать такую проблему в самом начале ее зарождения. Он

сожалеет, что Леонтьев остался незамеченным в своей стране, что в отличие от родственного в философском плане Ницше, ему не посвящают обширных работ в России. Розанов первый говорит о сходстве этих двух мыслителей, указывая даже на то, что Леонтьев «больше Ницше, чем сам Ницше» [2. С. 327]. Он связывает это с тем, что антиморализм и антихристианство Ницше были лишь некой «идейкой», но у Леонтьева «ницшеанство» приобретает силу и мощь. И Леонтьев, совершенно кроткий в обыденной жизни, кардинально менялся на службе или на войне. Розанов не понимает этой природы Леонтьева. Он пишет, что порой кажется, будто Леонтьев нарочито примеряет на себя шкуру Каина. Отсюда ещё одна из причин неприятия его в обществе. Мысли Леонтьева словно бич, недаром Д.С. Мережковский назвал его «страшное дитя» — ребёнком, без страха говорящим правду взрослым. Результатом стало общественное невнимание к его творчеству. Розанов признаётся, что ни у кого в библиотеке не встречал произведений Леонтьева, да и имя его едва ли знают, скорее понаслышке, нежели по трудам. Розанов полагает, что вся строгость и монашество Леонтьева происходит от незамеченности его трудов. Сам он считает его ярче и гениальнее многих мыслителей-современников — того же Н. Страхова и даже самого Вл. Соловьева. Розанов подозревает их в некой зависти к Леонтьеву, иначе как объяснить замалчивание дружбы с ним или же яростное отторжение его идей. По мысли Розанова интеллектуальное общество не смогло принять смесь эстетизма, монашества и жестокости в личности Леонтьева.

Сам Леонтьев нашёл некую отдушину в Розанове: «Наконец-то после 20-летнего почти ожидания я нашёл человека, который понимает мои сочинения именно так, как я хотел, чтобы их понимали!» [2. С. 352]

Прошло уже более ста лет со дня смерти К.Н. Леонтьева. Его идеи давно нашли своих поклонников и почитателей, увидело свет его полное собрание сочинений. Но именно В.В. Розанову мы должны быть благодарны за сохранённую ценную переписку с К. Леонтьевым и комментарии, которые он к ней оставил.

Библиографический список

1. Леонтьев К.Н.: Pro et contra. Антология в 2-х книгах // Книга 2. - СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института. — 1995.
2. Леонтьев К.Н.: Pro et contra. Антология в 2-х книгах // Книга 1. — СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института. — 1995.
3. Розанов В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев. — М.: Республика — 2001.
4. Мамедов А.А., Донских К.Ю., Кортуннов В.В. Мотивы экзистенциальной философии в творчестве К. Леонтьева// Сервис plus, 2020, Т. 14, № 2. С. 58-63.